

Ася
Сладкая

Мальчишка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Она БАНДИТКА

18+

Ася Сладкая
Малышка для бандита

«Автор»

2026

Сладкая А.

Малышка для бандита / А. Сладкая — «Автор», 2026

- На колени, малышка. Первый порыв - сбежать. Но, поздно, Ева. Слишком поздно. Я просто должна делать, то, чего Керимов хочет, угадывая желания. Чтобы отдать огромный долг я сама сдалась в плен зверю. Амир Керимов. Богатый, властный и опасный. Его боится весь город, а я побежала за помощью. О любви теперь можно забыть навсегда. Этот бой мне не выиграть. Или

© Сладкая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11. Амир	29
Глава 12. Амир	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ася Сладкая

Малышка для бандита

Глава 1

Домой после смены приходится ехать на маршрутке. Ну как домой. В комнату, которую я снимаю. Государство вроде как должно было выдать мне квартиру, но по факту даже комнату в общежитии выбить не вышло. Была только мамина машина и то теперь...

Смотрю в холодильник пока он не начинает пищать. Есть не хочется. Ничего вообще не хочется, но девать себя куда-то нужно. Нормальный человек наверное сел бы обзванивать родственников и друзей в поисках помощи, но у меня есть только номера банков. Я получаю отказ за отказом. Везде нужны залого, поручители Черт, ведь даже продажа обломков машины не перекроет и пятой части долга.

Долго игнорирую звонок в дверь, но никто из соседей не спешит открывать. Приходится вставать самой. Не успевает щелкнуть замок, как дверь распахивается и в кухню меня вталкивают три здоровенных мужика. Один из которых сегодняшний водитель. Артур.

— Говорят, ты бедная птичка. Что-то я переживаю о своих деньгах. Вдруг надумаешь слинять. Послушай, — начинает Артур, подгоняя меня к стене. Его глаза сверкают концентрированной злостью. — Ты ведь понимаешь, что деньги нужно отдать? Побегу могут плохо закончиться.

— Я... я постараюсь, — еле выговариваю, чувствуя, как совсем сбивается дыхание. Куда ушла вся уверенность?

Двое других амбалов хмурятся, подходят ближе, и их шаги заставляют меня сжаться и запахнуть полы халата плотнее.

— Постараться — не вариант. Ты должна отдать долг сейчас же, — почти шипит Артур, его лицо становится все ближе. — Мне не нужны твои обещания, мне нужны деньги. Знаешь, что с неплательщиками делают? Особенно такими симпатичными?

Жуткий холод пробегает по спине. Я пытаюсь увернуться от его взгляда, но он словно приковывает меня к месту.

— Я... пустите меня, — шепчу, крепко сжимая руки в кулаки, пытаюсь скрыть дрожь.

Один из мужчин скрещивает руки на груди и грубо усмехается:

— Ты думаешь, это шутки?

— У меня сейчас нет, но я постараюсь найти! — всхлипываю, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. И тут мне становится страшно. Вдруг, сейчас они просто заберут меня с собой? Меня же даже некому искать. Артур обходит меня, прислоняясь к кухонному столу.

— У нас есть свои методы, уверяю тебя, — вырывает из моих пальцев махровую ткань, оголяя грудь. — Соображай быстро.

— Т-там. У меня в комнате есть Есть немного

— Иди, — вальяжно кивает, отпуская, а я срываюсь в комнату.

Пробегаю мимо приоткрытой входной двери на секунду задерживаю дыхание. Нет. Побег мне ничем не поможет. В комнате выворачиваю все карманы, кошелек, записку. Крохотную шкатулку с родительскими кольцами и подаренными мне за несколько дней до их гибели сережками, хочу спрятать, но мою руку перехватывает лапища Артура.

— Нехорошо крысить, — скалится, выдергивая из пальцев шкатулку.

— Пожалуйста. Они ничего не стоят. Это не продать, но это все что у меня осталось от родителей, пожалуйста — реву в голос, но он только сильнее улыбается.

— Вот и отлично, — прячет в карманы мои сокровища. — Тем больше будет стимул вернуть деньги. А может все таки — рвет пояс халата и сбрасывает его с моих плеч, оставляя совершенно голой.

— Не надо, пожалуйста. Я все верну!

Но его рука все равно ползет к груди и больно сжимает сосок.

Глава 2

Мне кажется, будто я все еще сплю. Попала в какую-то другую реальность и проживаю не свою жизнь. Я впервые оказалась голой перед мужчиной. И в какой ситуации! Все мои сирены вопят на полной мощности, но бежать некуда.

Он притягивает меня к себе, больно удерживая. Жметя своим телом, обдавая слишком агрессивным парфюмом. Слизистую выжигает его аромат, стараюсь не дышать, но это ерунда по сравнению с тем, что я чувствую, как он возбужден. Дрожь пробивает тело. Но совсем не от возбуждения, а от настоящего страха, который плещется у меня в крови.

Он отпускает грудь и обманчиво нежно гладит по щеке. Внимательно разглядывает словно бабочку, которую собирается раздавить. На его лице расплывается довольная улыбка, и он бьет меня наотмашь. Именно то место, которое только что гладил. Попадает туда же, куда пришелся удар в авто. От этого все звенит и кружится еще сильнее. Падаю на пол, потеряв равновесие. Отползаю подальше, жалко пишу, забившись в угол. В висках стучат отбойные молотки, и я никак не могу сосредоточиться. Губа лопнула от удара, и привкус металла появляется во рту.

Артур сгребает пятерней все наличные со стола и перед тем как уйти, небрежно бросает: — Три дня у тебя. И даже не думай бегать. Все равно найду.

Сделав резкий выпад в мою сторону, пугает, заставив взвизгнуть, и тут же смеется. Ему нравится, что я испугалась. Он кайфует от моей беспомощности и унижения. Прячу лицо в ладонях и слышу удаляющиеся шаги и хлопок дверью. Наконец-то. Неужели все закончилось? Даже не верю! Первым делом, нерешительно тянусь к пледу на кровати. Хочется скорее прикрыться. Хочется скорее исчезнуть из этой жизни. Как я попала в такой водоворот?!

Рыдаю, захлебываясь своими слезами и беспомощностью. Но это не все сюрпризы, которые мне приготовил этот вечер. Видимо, почуяв, что все затихло, из своей норы выбирается хозяйка квартиры. Она врывается в мою комнату, не заботясь об обоях, шарахает дверью по стене. Где же ты была, когда меня здесь били? А если бы...

— Ты что здесь устроила, а? Это что за гости такие? Мне проблемы не нужны. Шмотки собирай и выметайся, — визжит во все горло.

— Но я заплатила за три месяца вперед, — не нахожу аргументов лучше, плотнее кутаясь в плед.

— Это будет мне моральной компенсацией за то, что эти уроды теперь адрес мой знают! Собралась и пошла отсюда, а то без трусов выкину! Час у тебя!

Плакать я разучилась еще в детстве. Последние слезы я оставила на похоронах родителей. Мне было одиннадцать и случилось самое страшное, что может произойти в жизни маленькой девочки. Сейчас я чувствовала только, как огонь разъедает грудную клетку, и отмечала, как дрожащие пальцы не справляются с замками и пуговицами. Я потеряла все самое ценное. У меня снова ничего не осталось. Тону в горечи несправедливости и отчаянье.

У меня остался один шанс выжить. Последний. Больше никто мне не сможет помочь.

Через час я стою у палаты Амира Ренатовича и никак не могу решиться постучать. Он не просто так отдыхает в клинике с огнестрельным ранением. Он самый настоящий бандит. Он хозяин нашего города. Жестокий, богатый, опасный и пугающий. Старше меня на пятнадцать лет, однажды выдела его возраст в карте. Но выбора у меня нет. Он единственный, кто может помочь. Если только захочет... А он захочет. Все же как он просил. Как хотел. Сама прибежала.

Считаю до ста, задерживаю дыхание, стучу и, дождавшись резкое да!, вхожу в палату.

— А, это ты детка, заходи. Что хотела? — встречает, не отрывая глаз от монитора ноутбука. Но мое молчание заставляет поднять взгляд.— Стоп. Ты почему в таком виде? — встает с кровати, подходит, оценивающе разглядывая. Я не стала маскировать последствия встречи с Артуром. Может, нужно было наоборот?

— У меня просьба. Я не знаю как — переступаю с ноги на ногу и не знаю, как начать разговор.

— Соберись, — хмурится, подходя вплотную.

— Мне нужны деньги. Срочно. Много. Банки столько не дадут без залога, а обратиться мне не к кому, — тараторю, разглядывая плитку на полу.

— Зачем? — склоняет голову набок и тянется пальцами к моей пострадавшей щеке. — Кто это сделал? — на его скулах заиграли желваки. Он злится, на меня?

Ведет пальцем по скуле. Нежно. Касается уголка губ, и на подушечке его пальца остается кровь. Он хищно облизывает палец. Это он Зачем?

— Я утром попала в аварию и — рассказываю ему все, что произошло. Мы так и стоим на пороге палаты, он с каждым моим словом хмурится все сильнее. — Они забрали последнее, что осталось от родителей. На деньги мне плевать, тем более я должна, но это...

— И распустили руки, значит... Ничего ты им не должна. Не трясись. Все решу, — уверенно.

— Я все верну. Я отработаю. Можно смены подряд ставить, жить в клинике буду. Можно зарплату не

— Обязательно отработаешь, — его улыбка превращается в звериный оскал. — Сказал же — все решу. Ты же уверена, что хочешь этого? Согласна на мои условия?

— Да.

— Тогда становись на колени, детка.

Волна облегчения смывается еще большим страхом. Он подходит слишком близко, но теперь ему можно все. Я сама пришла сдаваться в плен с завязанными руками. Отказать ему я не имею никакого права.

Глава 3

Стою замерев, как мышка от страха. Боюсь не то что пошевелиться, а даже дышать. А вот он чувствует себя очень уверенно в этой ситуации. Не первый раз? Тут же одергиваю себя за глупость. Конечно же, не первый.

Он улыбается хищно. Совсем не для того, чтобы расположить к себе. А чтобы обозначить территорию, дать понять, кто здесь главный. Он подходит совсем близко. Рассматривает меня как букашку, склонив голову набок. Оценивает? Не слишком ли много отдает за такой товар. Что он там меня просил, вспомнить я не успеваю. Потому что он, жестко придерживая меня за затылок, он жадно вгрызается в мой рот.

Это не поцелуй. Это безжалостное нападение. Он пытается подавить, а мне некуда отступить. Теряюсь. У меня не получается ему ответить. Зубы сталкиваются, кислорода не хватает, он просто не дает мне сделать вдох! До боли прикусывает нижнюю губу и тут же влажно, со вкусом, зализывает.

Пытаюсь его остановить, но мои метр пятьдесят пять и пятьдесят килограмм против двухметровой горы мышц абсолютно бесполезны. Я его с места не сдвину, даже если очень сильно понадобится.

— Тиш-ш-ше, детка. Не брыкайся. Иначе будет очень больно, - и в подтверждение своих слов он наматывает на кулак мои волосы и оттягивает их назад.

Заставляет заглянуть ему в глаза и от увиденного меня начинает колотить. Бездонные холодные омуты завораживают. Я уже в них тону. Меня не спасти.

- Если будешь слушаться, гарантирую тебе понравится, - его царапающий голос с хрипотцой прокатывается опьяняющим теплом по телу, несмотря на грубость.

Буду. Конечно, буду. Выбора у меня нет. Сама себя вручила ему в руки и теперь обязана. Он привык, что ему подчиняются. Беспрекословно. Давит не только физически, но и своей хищной аурой. Сожрет и не подавится. Выбросит и забудет. Ему таких, как я нужно пятеро, чтоб насытится. Страх, что он может меня выкинуть, если я буду отказываться или ему не понравится, пульсирует в венах. Мне нужна его помощь.

Он оглядывает мое тело. Смотрит так, будто видит все, что скрывается под одеждой. Оценивает. Невозможно понять, нравится ему или нет, но он уже намечает планы, что со всем эти можно сделать. Хочется прикрыться, спрятаться, но я не имею права. Больше не принадлежу себе.

У меня впервые появляется возможность рассмотреть его так близко. Он красив. Остро. Опасно. Дьявольски. Темные, густые волосы и им в тон глаза, выразительный нос. Завораживающая ямочка на подбородке. Амира не портит даже жесткое выражение лица.

Все так же придерживая меня за волосы, другой рукой он очерчивает скулу, спускается на шею. Его рука слегка сдавливает горло. Пока не пугая, а только обозначая силу. Пальцы

перетекают ниже, в v-образный вырез футболки. Грудь у меня небольшая, белье я ношу редко, а сейчас и вовсе забыла. Наверное, нужно было надеть что-то особенное? Для него. Упаковать себя по-праздничному? Хотя чем я его могла удивить

Он легко получает доступ к моему телу. Не отрывая взгляда, обманчиво нежно очерчивает окружность груди, грубыми мозолями царапая кожу. Зажимает сосок, перекачивает между пальцев, выкручивает и тянет к себе. Это совсем не ласка, а собственнический жест. Почти не больно, но очень остро. Так неожиданно, что вышибает весь воздух из легких, а дрожь пробирает тело.

- Хорошая девочка. Мы с тобой точно подружимся.

Он довольно тянется повторить то же самое со вторым соском, но в дверь за моей спиной стучат.

- Да! - рывкает раздраженно и подталкивает меня в глубину палаты, чтобы не мешалась перед дверью.

А я наконец жадно хватаю губами воздух. Поправляю футболку, отхожу к окну, обнимаю себя руками, пытаюсь спрятать призывно торчащие соски, защититься и хоть немного успокоиться. Грудь все еще ноет после его нападения, а в голове твориться чёрт-те что. Как мне могло такое понравиться? Мне всегда не хватает прикосновений. Но чтобы настолько

Я очень тактильный человек и поняла это только после смерти родителей. Позже, в дет-доме уже я сама старалась избегать внимания. Там это было просто опасно. Потом случилась учеба, практика и Толя. С ним было приятно обниматься и целоваться. Он был нежным, напористым и инициативным котиком ровно до того момента, пока я не призналась, что девственница. Тот скандал и сплетни в поликлинике, что он устроил мне не забыть.

Хуже было только с заведующим. Он поначалу просто успокаивал. Налил чаю, подсел ближе. И ближе. Приобнял за плечи. Его лысина вспотела, рубашка не справлялась с натиском огромного живота. Когда его липкая рука поползла вверх по моему бедру, я резко отпрыгнула. Но он был совершенно спокоен и уверен в себе.

— Девочка-Евочка, ну что ты? Ты же хочешь продолжать здесь еще работать? На хорошей должности и с большой зарплатой вместо штрафов? Давай, трусики снимай быстренько. Решим твою проблему, и все будут довольны.

Я стояла и ошарашенно пялилась на него во все глаза. Никак не могла поверить, что он говорит это на полном серьезе и вслух.

- Я же врач. Сделаем все красиво.

Его сальный взгляд становился все более затуманенным похотью. Липкие руки задирали халат. Надсадное дыхание учащалось, а пуговицы рубашки на его пузе грозили вот-вот вырваться из петель.

Глава 4

Меня тошнило от его слов и взглядов. Я тогда тоже замерла мышкой, но у меня хватило воли сорваться с поводка его взгляда и написать заявление на увольнение.

А теперь вот Керимов. Совсем не тот, кого я представляла рядом в свой первый раз. С другой стороны, можно утешать себя хотя бы тем, что это будет не потный, толстый зав, а красивый, опытный мужчина. Другое дело, что все это будет исключительно для него. И даже если мне что-то придется не по вкусу, я обязана буду улыбаться и терпеть.

Но как и многим девочкам, мне всегда хотелось, чтобы это случилось по любви. Как у моих родителей. Они встретились, когда папу перевели в мамину школу в пятом классе. Больше они не расставались. В восемнадцать поженились, а через два года появилась я. Мне не передать с какой нежностью и трепетом они относились друг к другу. Правда память оставила только крошки воспоминаний. Их голоса напрочь стерлись из моей памяти, но ощущение тепла, уюта, дома и запах солнца навсегда остался только там. Только с ними.

Амир же жестокий, властный, холодный. Ему плевать на меня он просто будет пользоваться телом. Он купил себе куклу для постельных утех. И мне придется соответствовать и отрабатывать по полной, если я хочу, чтобы он помог.

— Амир Ренатович, через полчаса нужно выезжать, — в палату входит Слава, начальник охраны Керимова. Стыдно невыносимо. Будто он нас уже застал за чем-то грязным.

— Поедем прямо сейчас. Я уже собрался, — он оглядывается в поисках сумки, но натывается взглядом на меня. — Забыл. Выдели машину и человека. Эту отвезти домой. И вызови Анну. Пускай ее устроит, отмоет и упакует к моему возвращению.

Вот и все, чего ты стоишь в этой жизни Евочка. Кукла без имени.

Анной оказывается роскошная женщина лет пятидесяти. В брючном костюме цвета слоновой кости с идеальным макияжем и укладкой. Она очень приятная и добродушная, а не чопорная стервой, которой кажется на первый взгляд.

Она показывает мне мою спальню, кухню и библиотеку. Последняя завораживает масштабом. Потом идут не такие приятные, а скорее унижительные процедуры. Меня и правда отмывают и упаковывают по вкусу хозяина. Готовят к его приходу.

Вот теперь я настоящая игрушка.

По окончанию всего этого безобразия, на моем теле не остается ни одного волоска ниже шеи, каждый сантиметр кожи натерт чем-то пахучим и блестящим, волосы лежат голливудской волной, а макияж настолько идеален, что его практически незаметно. Я упакована в длинное шелковое платье до пят, которое льстит моей фигуре и невероятно нежно обнимает каждый изгиб. Струится при каждом шаге и вообще делает как минимум королевой красной дорожки.

У меня еще остается немного времени до возвращения Амира, поэтому Анна уводит меня на кухню поболтать и выпить чаю.

- А сколько здесь обычно Ну — решаюсь спросить волнующий меня вопрос, но запинаясь на полпути.

— Проводят времени девочки? По-разному. От пары часов до пары месяцев. Не думай об этом. Просто наслаждайся. Здесь великолепная сауна. Отлично расслабляет. Рекомендую. Потом спасибо скажешь! Завтра днем покажу тебе сад и бассейн, — подливает чай элегантно жестом. Вот кто здесь настоящая королева.

— Мне завтра на работу. Здесь есть поблизости остановка? Или на такси придется добираться?

— Милая, — она улыбается мне, как душевнобольной и обнимает ладони, лежащие на столе. — На время пока ты находишься в этом доме, ты работать не будешь. У тебя другая цель. — ее речь словно отрепетирована и заготовлена для таких как я. Как я Черт, как же быстро я попала в ряды проституток

— Ну это мы еще обсудим, — уверенно заявляю, а сама грустно заглядываю на дно кружки. — Вы не знаете когда он придет?

— Через пару часов должны быть. Ты что-то хотела?

— Можно мне пока побыть в библиотеке?

— Конечно. Пойдем, провожу.

Оставшись одна, теряюсь от разнообразия книг. Тут их так много, что стеллажи уходят под потолок и даже есть специальная лесенка, чтобы добираться до самых дальних. Неужели Керимов прочитал хотя бы часть. Ну или сам собирал это чудо? Или поручил Анне сделать такую комнатку только для того, чтобы было как у всех?

Выбираю одну из самых любимых книг и устраиваюсь в огромном кресле у окна. Книга тяжелая, с кожаной обложкой и великолепными иллюстрациями автора. Какое-то супер эксклюзивное издание. Выглядит роскошно. И никогда не открывалась, судя по состоянию страничек. Что ж. Открываю первую страницу и пропадаю.

Я не просто пропадаю, а моментально засыпаю, попадая в волшебный мир. Медленно выныриваю из сна и замечаю, что в библиотеке я уже не одна. В кресле напротив сидит Амир. Он в строгом черном костюме и ослепительно-белой рубашке. Верхние пуговицы расстегнуты, а галстук серой змеей свернулся у его ног. Керимов очень недоволен. Сколько же я проспала?

— Извини, я не думала, что усну. Хотела просто почитать и — встаю, пытаюсь привести себя в порядок, но он только отмахивается от моих слов.

— А теперь давай поговорим подробнее о твоей роли в моем доме, спящая красавица.

Глава 5

В библиотеке темно. Горит только торшер у моего кресла, мягким, теплым светом. Больше создавая тени, чем подсвечивая. Но все равно я замечаю, как глаза Амира выдают его усталость.

— Анна сказала, что ты на работу завтра собралась. — с тихим звоном ставит бокал на маленький столик.

— Хотела бы. Я же не нужна тебе здесь круглосуточно? А у меня там пациенты

— Круглосуточно нет, не нужна. Но твой главный пациент сейчас - я. Рана. Забыла? — он показывает на плечо, но обслуживать я буду явно не его. Точнее, не только его. — Ева, я не собираюсь ждать, пока ты закончишь смену, пока будешь отсыпаться после или пока тебя доставляют по пробкам. Это ты должна меня ждать. Хочу, чтобы ты была доступна, в настроении и всегда готова. Иначе какой смысл тебя здесь держать? — откидывается на спинку, расстегивая несколько пуговиц на рубашке. А я не могу оторвать взгляд от этого простого движения.

— Поняла, извини. Я просто подумала...

— Тебе не нужно думать, — обрывает он жестко. — Подойди.

Медленно иду ему навстречу. Перед тем как сесть читать, я сняла туфли. Они остались ждать меня у кресла. Иду к нему босиком, приподнимая подол платья. Без каблуков оно оказывается слишком длинным.

Взгляд Амира оценивающе проходит по моей фигуре и задерживается на груди. На мгновение он улыбается одним уголком губ. Здесь прохладно, соски собрались в твердые горошинки, и шелк демонстрирует это даже откровеннее, чем будь я голой.

Останавливаюсь неподалеку от его кресла, но он берет меня за руку, подводит ближе и ставит у себя между ног. Взгляд оценивающий меня, становится острее. На мне нет белья, и он это замечает. Проводит пальцем по талии и ниже, ниже, ниже. Подбирается под легкую ткань шелка и тянет его вверх. В этот раз ладонь ползет по внутренней стороне бедра, задевая все чувствительные местечки, но не касается самого главного.

Меня впервые так откровенно касается мужчина. Лицо полыхает от смущения. Не могу поднять на него взгляд. Я не знаю, как себя вести. Между нами нет совершенно никаких чувств. Да мы не знакомы практически! Он по одному стягивает тонкие бретельки с плеч. Платье спадает до талии, оголяя грудь. Я тут же пытаюсь прикрыться, но Амир жестко отводит мои руки. Кожа покрывается мурашками от жадного мужского взгляда. Он продолжает игры с моей грудью, которые начал еще в клинике. Поглаживает, мнет, едва касаясь, царапает, щекотно очерчивает контур. Неожиданно выкручивает оба соска, тело пронзает острая молния, и я не могу сдержать стон.

— Нравится, Детка? — хриплый шепот царапает кожу, а я не могу ничего произнести в ответ. — Чего молчишь? Нравится, нет?

— Я Я не знаю, — шепчу и дышу часто-часто, пытаюсь угнаться за бешеным пульсом, краснею и стараюсь удержаться на ногах.

— Ширинку расстегни и садись сверху. Покаатаю. Заодно и узнаем нравится или нет.

Мимолетно взглянув на бугор в его штанах, прихожу в ужас. Кажется, покраснеть сильнее - невозможно. У меня не было никакого опыта, кроме поцелуев, и нескольких случайных просмотров порно. А сейчас все происходит слишком быстро. Чувство нереальности происходящего вышибает напрочь.

— Я не люблю повторять дважды.

Голос Керимова становится холоднее и жестче. Нельзя медлить, иначе он вышвырнет меня на улицу.

Опускаюсь на колени у его ног и тянусь к ремню. Пальцы мелко подрагивают, и у меня никак не получается его расстегнуть.

— Чего дрожишь? Ты будто первый раз, — хриплый смешок нарушает тишину комнаты, а я останавливаю хаотичный бег пальцев и впервые за вечер заглядываю в его черные глаза. Улыбка на его лице превращается в жуткий оскал.

— Я просто Я никогда не

— Ты целка, что ли? Пошла вон немедленно!

Как? Куда пошла? А как же долг? Он теперь мне не поможет?

Хочется задать все эти вопросы, но я боюсь его еще больше разозлить. Мне же нужно сгладить ситуацию. Если он сейчас меня выкинет, мне даже пойти некуда будет среди ночи!

Становится крайне неуютно под прищуром холодных глаз. Моя грудь все еще открыта для него, и теперь это кажется неуместным. Хочется прикрыться, спрятаться, но мои руки на его бедрах, ладони у пряжки ремня. Я стою на коленях у его ног и чувствую, как под моими пальцами пульсирует горячая плоть. У меня хоть и не было никогда мужчины, но будучи медсестрой, я всякого повидала. То, что я чувствовала сейчас под тканью брюк, не шло ни в какое сравнение с увиденным ранее и было очень внушительного размера.

— Но почему?

— Терпеть не могу с девственниц. Куча возни и никакого удовольствия. Еще и слезы эти наблюдать. Не нужен мне такой подарок. Как ты до двадцати четырех лет-то продержалась? Неужели никто не позарился?

— Позарился. Я просто не хотела.

— А сейчас захотела? В шлюхи подалась?

— А сейчас я напугана, — если совру, что захотела, он точно заметит и будет хуже. Я же честно ему себя продала, так пусть будет правда. — Прости меня. Я буду стараться. И не буду плакать, обещаю. Хочешь я

— Что?

— Ну... Я могу... — боже, я же взрослая, почему я не могу произнести это вслух?

— Делай что хотела или вали. Вали не только из комнаты, но и из дома. Я не в настроении играть и ждать, пока ты падаешь в обморок от вида члена.

В его глазах вызов. Он говорит, что не хочет играть, но сам с жадным азартом следит за тем, как я неумело справляюсь с его шириной, и выпускаю на волю из плена боксеров его член.

Огромный. Пугающий. С крупной розовой головкой и увит синими венками по всей длине. Упругий и горячий он дергается в моих пальцах. Боюсь его даже рассматривать подробнее.

— Ты любоваться будешь или сосать?

Ежусь от его грубости. Но падать мне уже некуда. Я достигла дна. Не будет толку ни от слез, ни от истерик. Я просто должна делать, то, чего Керимов хочет, угадывая желания.

Тянусь к нему и осторожно слизываю капельку смазки с головки члена. Немного терпкий на вкус, но совсем не противный. Он твердый как сталь, но укрыт нежной, бархатистой кожей. Провожу кончиком языка по всей длине. Нерешительно обхватываю губами и поднимаю глаза на Амира.

— С-с-сука! - шумно выдыхая, тянет ругательство, встречая мой взгляд. Вплетает свои длинные пальцы мне в волосы, наматывает на кулак и задает темп, нанизывая меня на напряженный ствол. Другой рукой по очереди выкручивает мои соски. Больно. Остро. Только для своего удовольствия.

— Горло расслабь и глубже бери, — командует он и начинает вколачиваться в глотку. Слезы непроизвольно текут по щекам, кислорода не хватает, кажется, что если он толкнется еще глубже - сработает рвотный рефлекс.

— Глотай. Иначе заставлю вылизывать, — он смотрит на меня, не отрывая взгляда, а я не успеваю понять, к чему была сказана эта фраза, когда мой рот заполняет терпкое семя. Послушно глотаю все до последней капли.

Он вынимает все еще твердый член и водит им мне по щекам, размазывая слюну и слезы. Все так же держит за волосы, не давая отвести взгляд.

— Умничка, — отпускает на волю, застегивает брюки и не оборачиваясь идет к выходу из библиотеки.

— Амир, что теперь будет? Мне очень страшно, — шепчу сорванным голосом, не поднимая глаз и обнимаю себя руками.

— Спать иди. Завтра поговорим, — жестко обрывает он, так и не обернувшись.

Стыд затапливает меня с головой. Всегда мечтала о большой и красивой любви. О настоящей. Той, что с первого взгляда и навсегда.

Вот мне и выдали за все мои мечты. Так чтоб наелась досыта.

Глава 6

Керимов уходит, хлопая дверью, а я остаюсь безвольной лужицей на полу. Тело колотит от озноба и отвращения от самой себя. Пытаюсь вытереть перепачканные щеки, но выходит только размазать все еще сильнее.

Нет никаких сил шевелиться, но и оставаться здесь невыносимо. Шелк платья теперь не ластится, а только неприятно холодит кожу, но я вынуждена надеть его обратно, чтобы хоть как-то прикрыться. Сдергиваю с кресла мягчайший ярко-горчичный кашемировый плед. Он слишком счастливого и жизнерадостного цвета. Сейчас кажется, что не бывает так вовсе. Укутываюсь в него и бегу в свою комнату, потупив взгляд в пол. Надеюсь, меня никто не заметил.

Хотя какой смысл стесняться? Работники Керимова знают, зачем я здесь гораздо лучше меня самой. И это именно я здесь ненадолго, а они уже давно наблюдают, как меняются его игрушки. Возможно, даже ставки ставят, как надолго задержится очередная девица.

Влетая в свою комнату, прячусь в ванной. Стоя перед огромным зеркалом, сбрасываю плед и платье на пол. Что ж, в этом сезоне Амир Керимов выбрал шлюху маленького роста, с бледной кожей, небольшой грудью, черными волосами до талии и огромными грустными глазами. Заплаканными. Конечно, такую не захочешь. Даже мне не хочется на нее смотреть.

Закрываюсь в кабинке душа и выкручиваю горячую воду на максимум. Тщательно вымываюсь, обжигая кожу, но никак не выходит смыть с себя запах Керимова. Он будто пробрался мне под кожу, попал в кровь и разнесся по всему телу. Несколько раз чищу зубы, полощу рот, но его вкус ничем не перебить. Горло дерет так, будто член по-прежнему вбивается до упора. Эти ощущения не смыть никакой водой.

Кутаюсь в огромный пушистый халат и стараюсь больше не смотреть на себя в зеркало. Противно. Проскальзываю в комнату. В кукольном домике мне выделили целый гардероб. За вечер успели привезти множество вещей для упаковки игрушки. Хотела что-то надеть, но на вешалках красовались только развратные платица. Шелк, кружева, ремешки и ничего больше. Глупо здесь было искать уютную пижаму.

Мой чемодан сиротливо жался в уголок. Словно пришелец из самого примитивного мира. Кажется, что все его содержимое и он сам стоит дешевле, чем трусики, состоящие из одних только ленточек.

Выискивать что-то из своих вещей не было сил и я забралась в постель прямо в халате. Сегодняшний день никак не хотел отпускать меня и заснуть так, и не вышло. Ворочаюсь, пытаюсь найти хоть какой-то выход из своего положения без участия Керимова, но каждый раз упиралась в глухую стену. С другой стороны, если каждый день будет вот так, как сегодня, останется ли что-то от меня?..

Я ворочалась с боку на бок до тех пор, пока небо в огромном окне напротив кровати не посерело и стали видны очертания густого соснового леса за забором. Стало понятно, что уснуть не выйдет. Может завтрак приготовить? Вдруг сытый Керимов хоть чуточку добрее? Минетом-то его удовлетворить не вышло.

С отвращением взглянув на платья в гардеробной, решительно направилась к своему чемодану. Домашняя рубашка, шорты и можно идти на кухню. В коридоре горел мягкий, теплый свет, так что заблудиться не вышло.

Огромный холодильник был забит под завязку, и я даже растерялась, что же приготовить. Может, в интернете есть методичка Что едят на завтрак уверенные в себе тираны. Сто один рецепт, как угодить зверю? Мне бы очень пригодилось! Я так размечталась о подобном списке, что, стоя перед открытым холодильником, потянулась к телефону в кармане, чтобы поискать подобное в сети. Что-то тихонечко пикнуло, показалось, что это холодильник, но повторное и уже куда более требовательное Мя! вынудило меня посмотреть на пол. К моим ногам подкрадывалась самая обыкновенная полосатая кошка.

— Это кто здесь у нас?

— Мя! — она потерлась о мои ноги и требовательно заглянула в глаза.

— Я поняла, ты очень-очень голодна. Не кормили целую вечность, правда?

— Мя-я-я! — подтвердила мои слова кошечка, мурча и потираясь о мою ладонь. Я подхватила ее на руки, и она затарахтела еще сильнее.

— Ну, пойдем искать что-то вкусненькое.

В холодильнике обнаружили баночки кошачьего корма, а у двери миски. И как я их вчера не заметила?

— Неужели твой хозяин хоть кого-то кроме себя любит? — кошечка только вопросительно зыркнула зелеными глазами, никак не комментируя мой вопрос. Когда я выложила в миску паштет, она благодарно мурлыкнула и умчалась его пробовать.

Вернулась к холодильнику поискать что-то для себя. Аппетита особенно не наблюдалось, но, может, во время готовки таки появится? Достала молоко, яйца, в ящиках нашла муку.

Когда на столе появилась уже приличная горка блинов, я, намывая посуду, засмотрелась в окно, выходящее во двор над раковиной. Небольшую беседку оплетала вьющаяся роза. Цветы пепельно-персикового оттенка, будто они были ярко-розовые или янтарно-оранжевые, но жадное июльское и августовское солнце пожрало яркие краски, чтобы передать их наступающей осени.

Картину того, как к выходу готовится осень, забирая из гардероба лета все яркие краски и примеряя на себя, прервал неожиданно прозвучавший голос за моей спиной.

— Ева, мы горим?

Резко оборачиваюсь, чтобы понять, что происходит. А мы и вправду горим!

Глава 7

Хватаю дымящуюся сковороду и бросаю под воду, в раковину.

— Это что за уголек? — спрашивает вошедший в кухню Слава.

— Мое сердце, — бурчу себе под нос и пожимаю плечами. Есть у меня дурацкая привычка выливать остатки теста в виде сердечка. Никак отделаться не могу. — Совсем забыла, что вылила последнее тесто на блинчик. Отошла к раковине помыть посуду и вот

— Здесь есть посудомойка, — щелчком открывает неприметную дверцу, а я снова, только плечами пожать могу. — Угостишь? Только не этим, — показывает на то, как под струей воды в сковородке купаются ошметки моего сердечка.

— Конечно. Только кофе мне сделай, пожалуйста. А то я боюсь к этому чудовищу подходить, — подвигаю к нему тарелку поближе, когда усаживается за стол. Не Керимоваа же мне кормить. Вряд ли я достойна быть поваром у его величества.

— Не вопрос. Смотри-ка, и Луна здесь. Ну куда же завтрак без нее, — комментирует грациозный прыжок кошки на стол.

— Луна значит. Ну, будем знакомы, — чешу пушистую нахалку за ушком, а она довольно тычется мне в ладонь носиком. Поворачиваюсь к Славе, чтобы задать вопрос, который волнует меня уже много дней. — Слушай, а тебе не сильно попало? За то, что долго бежал?

Несколько месяцев назад я познакомилась с Керимовым. Бегала вечером в парке и вдруг услышала выстрел. Как врач, не смогла остаться в стороне и бросилась на помощь. Пуля прошла по касательной, но задела артерию. Пока Слава добежал, я уже успела помочь. Он-то и отвез нас в клинику, пока я пыталась всеми силами остановить кровь. Керимов сильный. Даже бледнеть от потери крови не спешил. Всю дорогу красочно комментировал мои умения.

— А где такие талантливые медсестры работают? — спросил он со смешком в голосе, когда мы сидели в роскошной палате, и ждали, пока его заштопают настоящие врачи.

— Пока нигде. Я уволилась. Теперь не берут никуда. Иногда сиделкой подрабатываю, — говорю как есть, а один из присутствующих врачей недовольно хмыкает.

— Почему же не берут? — почти заинтересованно спросил Керимов, а мне же историю унижения рассказывать не хотелось, поэтому я выдала сокращенную версию.

— Парень, с которым я встречалась, распустил нехорошие сплетни обо мне. Заведующий поверил и начал приставать. Он предложил или спать с ним, или заявление по собственному. Я выбрала второе. Но в других местах после этого почему-то отказываются брать на работу.

— Здесь поработать хочешь? Этим раздолбаев давно пора уволить. Шевелятся медленно, — обводит пальцем врачей, которые молча обрабатывали его рану.

— Это ваша клиника?

— Если хочешь быть уверенными во врачах, приходится держать своих.

— Вы же только что сомневались в моих способностях. Зачем сейчас работу предлагаете?

— Хочу.

Порывшись в своих воспоминаниях, понимаю, что и на работу я устроилась только потому, что он хочет. Что же теперь-то будет?..

— Отделался легким испугом. Нормально, не переживай, — с улыбкой говорит Слава и тянется за добавкой.

— Давай я тебе положу, — решаю ему помочь, выходит, так что наши ладони сталкиваются над тарелкой, хватают один блин и тянут в разные стороны. Мы смеемся над дурацкой ситуацией, пока нас не прерывают.

— Что. Здесь. Происходит. — проговаривает каждое слово Керимов так остро, будто застал нас за чем-то неприличным. Он яростно скалится и сжимает кулаки.

— Завтрак, — легко отвечает Слава, а я отхожу к раковине. Это угольное безобразие нельзя в посудомойку.

— В машину, — отрезает Керимов так, что его невозможно послушаться. Даже я на секунду дергаюсь в сторону выхода.

- Спасибо, Ева. - Слава уходит, а я, не оборачиваясь, киваю ему в ответ.

Каждая клеточка моего тела вопит об опасности. Я снова в одной клетке со зверем. Стараюсь все делать без резких движений. Хищников это только злит. Но как бы я ни старалась избежать, чувствую, как он приближается ко мне. Волоски на затылке становятся дыбом, вопя о его приближении.

Разворачиваюсь к нему лицом и тут же жалею. Холодный взгляд проходится по всему телу и задерживается на груди. Я снова без белья. Лишняя пуговичка расстегнулась и показывает чуть больше, чем нужно. Он отодвигает ворот рубашки и снова мнет грудь, царапает и тянет сосок, глядя только мне в глаза. Нашел себе антистресс

Разворачивает меня лицом к окну и рывком распахивает рубашку. Пуговицы отпрыгивают и рассыпаются в разные стороны от страха. Боюсь и я. За окном, у беседки, собрались охранники, если кто-то из них повернется - рассмотрит меня в очень интимных подробностях.

Пытаюсь прикрыться, но он только заламывает обе мои руки за спину и держит их одной своей лапицей. Второй, снова открывает обзор и возвращается к мучению груди. Очень острая и опасная ласка. Я замираю, боюсь пошевелиться. Кажется, даже перестаю дышать. Дергаюсь, пытаюсь освободиться, но он еще плотнее вжимает меня в столешницу.

— Ты теперь и перед моими работниками голая ходить будешь? — шепчет на ухо и до боли сжимает сосок. — Может, мне тебя им отдать, малышка? Хочешь? Они псы служивые, голодные. Быстро с твоей целкой разберутся, — толкается в меня бедрами, и я чувствую его каменную эрекцию.

Мой пульс частит, адреналин выжигает жилы, губы дрожат от страха. Я больше не вижу выхода и просто тону.

Глава 8

Рвано и часто дышу, хватаю ртом воздух. Голова кружится от гипервентиляции, и от этого все происходящее кажется нереальным. Но его горячее и напряженное тело за спиной, аромат кожи и табака, окутывающий меня. Приземляют.

— Не надо, пожалуйста, — шепчу, пытаюсь перекрыть биение пульса в висках.

Мне было тяжело оказаться обнаженной перед Керимовым, но если меня сейчас увидит еще толпа парней, я совсем сгорю со стыда.

— Почему нет? Ты же сейчас так бодро светила всеми своими прелестями перед Славиком, — его дыхание тоже сбилось. Оно горячими рывками касается кожи за ухом.

— Это не нарочно вышло. Я не хотела.

— Не хотела. Еще раз увижу - пойдешь на корм псам, малышка. Усекла?

— Да, — хриплю из последних сил.

— Не слышу, — отрезвляет, встряхивая.

— Усекла.

— Вот и молодец. Вечером жди меня, — он настойчиво трется о мою задницу, и эрекция становится тверже. Мнет мою грудь, показывая тизер этой встречи. Неужели передумал? — И постарайся в этот раз не уснуть, — горячий шепот щекотно касается кожи, запуская толпы мурашек. Они своими ядовитыми лапками пробегают по всему телу.

Керимов отпускает мои руки и покидает кухню. Снова молча и не оборачиваясь. Он каждый раз мне жестко напоминает кто я и почему здесь нахожусь. Сама пришла именно к нему за помощью. Продала себя и вся принадлежу ему. Теперь нужно соответствовать.

Аппетита и так не было, а теперь он пропал окончательно. Прячу в холодильник блины, одной рукой придерживая рубашку, убегаю к себе и падаю спать в постель, пахнущую солнцем. Но сон тревожный, рваный. Я просыпаюсь каждый час, чтобы посмотреть время и отвернуться спать дальше.

Анна приходила будить меня раза три. Видимо, сумасшествие вчерашнего дня и недосып выключили мой организм в принудительном порядке. Я каждый раз честно-честно собиралась встать, только вот еще на секундочку глаза закрывала и проваливалась обратно в несуществующие миры.

Последний был самый сладкий. Мне снились вкусные поцелуи и нежные касания длинных пальцев. Сильные руки настойчиво ласкали мое тело, которое отзывалось разгорающимся желанием внизу живота. Хотелось еще и еще. Лежа на животе, я подавалась навстречу желанным касаниям, разводила влажные бедра шире. И вот-вот, пальцы почти коснулись того местечка, что ждало их сильнее всего, но движение остановилось и послышалось тихое:

- Малышка

Амир? Здесь?! Я сначала замерла в страхе и тут же подскочила на кровати, запуталась в простынях и чуть было не свалилась на пол. Закончив яростную борьбу с постельным бельем, огляделась. На кресле рядом было разложено алое платье. Снова шелковое и с кучей завязо-

чек на спине. К нему в комплект лежали совершенно прозрачные трусики в тон. В комнате я оказалась одна, а за окном уже наступила темная ночь.

Я снова все проспала?!

Пока я пыталась решить, что делать, как отдышаться и успокоить растревоженное паникой сердце, в комнату впорхнула Анна. Каждый раз для меня остается загадкой, как она минимум в два раза старше, но при этом остаётся бодрее меня. Весёлая, активная, лёгкая. В то время как мне, чтобы осознать, в какой реальности я нахожусь после долгого сна, нужно минут двадцать.

Как в детстве, утром перед школой. Когда на улице противно льет затяжной дождь. Лужи достигли объема океана - только переплывать. Пронизывающий октябрьский ветер делает зонт бесполезным. Все равно он капризно вильнет в другую сторону, вывернув все кости зонтика наружу. И вот ты сидишь в теплой кухне, надев только одну штанину брюк. Находишься будто на стыке миров. В одном волшебные драконы пытаются вернуть себе силы, борясь с мерзкими гоблинами и орками, а в другом, на газовой плите свистит чайник, в тарелке остывает горячий бутерброд, а в окно барабанят холодные капли то ли дождя, то ли уже снега...

Даже после такого шокового подъема, я сижу на краю кровати. А вот Анна успевает сделать тысячу дел и даже не запыхаться. Вдобавок ко всему, она утрамбовывает меня в душ, а когда я выплываю обратно, на столике появляется легкий перекус, а разворошенная моим тревожным сном постель собрана без единой складочки. На идеально-белых простынях, будто в насмешку, разложено алое платье на этот вечер.

— Ну наконец-то! Я думала, уже придется вызывать спасателей, чтоб тебя вызволяли. Садись, ужинать. Хотя у тебя скорее завтрак Неважно. Садись скорее, — заботливо говорит она. Хочу отказаться, но немедленно похолодевший взгляд, заставляет усесться наместо.

Я и не думала, что так голодна. Совсем неаккуратно и жадно впиваюсь зубами в сендвич. Сочный ростбиф капает мясным соком, перепачкивая пальцы. Чуть не роняю это чудо кулинарного искусства и вскрикиваю, когда на мои колени, пугая до чертиков, запрыгивает Луна.

— Я смотрю, вы уже познакомились, — смеется Анна, разливая чай по кружкам.

— Да. Она помогла мне утром готовить. Скажи, а откуда она здесь?

— Готовить?! — закашливается и смотрит на меня шокировано. Игнорирует вторую часть вопроса. — Такого эта кухня ещё не видела.

— Лучше бы не видела, а я дальше мышью сидела в комнате. Зря полезла.

— А вот это как раз лишнее. Расслабься. Пользуйся моментом, получай удовольствие.

На последних ее словах я давлюсь и никак не могу снова сделать вдох. Хочется спросить, как она себе это представляет, но понимаю, что до меня здесь девицы были именно за этим. Расслабиться, получить удовольствие и деньги. Хотя чем я лучше?..

— И все-таки, откуда здесь кошка? Тем более, такая. Самая обыкновенная, а не вычурно-породистая.

— Керимов притащил. Чуть не сбил где-то на трассе, но вовремя затормозил. Она совсем котенком была. Голодная, изъеденная блохами. Как выходили - непонятно.

— Так он вам головную боль привез.

— Нет. Выхаживал сам, представляешь? Таскал ее с собой в кармане, пока совсем не окрепла.

Это было так неожиданно, что я решила заткнуться и просто жевать. Никак не укладывалось в моей голове, что у Амира Керимова есть сердце.

Глава 9

Но в том, что у него дыра в груди там, где когда-то хранилось и жарко билось сердце, мне предстояло удостовериться уже очень скоро.

А пока, наскоро перекусив, Анна отправила меня собираться, чтобы через час быть при параде. Все эти укладки и макияжи оказались невыносимо долгими. Дома я обходилась двумя взмахами туши и бальзамом для губ. А тут мне разве что новое лицо не пересадили. Хотя на вид

Вся эта возня настолько не мое, что в зеркало на себя я смотрю с легким отвращением. Не знаю, что я там изобразила на лице, но Анна, моментально помрачнев, выдала скороговоркой:

— Прекращай нос воротить. Керимов долго терпеть не будет. Он за гораздо меньшее отправлял в отставку. И, поверь, оттуда не возвращаются. Ты и так уже со всех сторон облажалась. Просто делай, что говорит и не выпендривайся. Будешь послушной - на всю жизнь тебя обеспечит. Если ему понравится, все будет в шоколаде. Но с такой мордой недовольной у тебя ничего не выйдет, — она буквально превратилась в настоящую Круэллу из изысканной царицы.

В секунду испарилась легкость в общении и откуда-то здесь материализовалась та холодная стерва, что встречала меня на пороге дома. Понятно было, что мы никогда и ни за что на свете подружками не станем, но все равно надеялась на своего человека.

— Ты же пару минут назад советовала расслабиться, получать удовольствие, — натянуто улыбаюсь. Я девочка тихая, но уже очень хочется нахамить. Жаль, что не могу. Она права. Я здесь существо безвольное.

— От процесса. Да. Твое дело быть украшением и развлечением. Праздником, а не головной болью.

— Но я не

— Вот и молодец. Будь послушной девочкой, — отрезает она, а я только виновато опускаю глаза в пол. Она права. Я забываюсь и забываю для чего я здесь. — Одевайся и спускайся в гостиную.

Анна, высекая искры каблуками, покидает комнату, а я зависаю у зеркала. Сбрасываю на пол пушистый халат и остаюсь совершенно голая. Светлые, идеально уложенные локоны оплетают тело лианами до тонкой талии. Мягкие очертания груди венчаются острыми розовыми сосками. На молочной коже возле правой груди расцветает пятнышко синяка. Доигрался, варвар! Утром сжимал изо всех сил, вот и результат! Не буду замазывать. Пусть любитесь.

Надеваю трусики, оставленные для меня и Ничего не меняется. Гипюровая сеточка настолько тонкая и нежная, словно на мне и нет белья. Только кожа приобрела чуть розоватый оттенок. Нырять в шелк платья, и оно плавно скользит по моему телу. Соски под тонкой тканью выделяются еще сильнее, чем без одежды. Керимов еще что-то говорит, о том, как я одеваюсь! Сам же меня наряжает меня в одни порнушные лоскутки!

Тонкие лямки, глубокое декольте, откровенный разрез на бедре и по-настоящему бледский, алый цвет. Если внимательно присмотреться, то в зеркале отражается настоящая, роскошная эскортница.

Туфли мне не оставили. Придется идти босиком. И гордость оставить в спальне. Она с собой не поместится, да и не пригодится мне больше.

Спускаясь по лестнице к гостиной, слышу тихий смех и разговоры. Там, кажется, Керимов со Славой. Подслушивать я не планировала. Это выходит само собой.

— Помнишь, пятнадцать лет назад точно так же мою рожу по всему городу расклеивали? — хрипло смеется Керимов.

— Да. Только объявления были о розыске. Попробуй такое забыть, — басит Слава. Они там пьют что ли? Что за фантазии?

Замираю на последних ступеньках и цепляюсь за перила до побелевших костяшек. Керимов был в розыске? Слов нет. Хотя, с другой стороны ничего неожиданного. Бандит он и есть

— Ну смотри, как ловко избирательная комиссия забыла. Ты тоже флешку свою почисть, — говорит, смеясь, но так строго, будто уже обещает наказание за невыполнение условий.

— Жаль. Ностальгия же, -- они оба долго молчат, пока Слава не начинает откровенничать. — Помнишь, как мы на солнечном острове месяц прятались? В вагончике твоей тетки, размером три на два, рядом с аттракционами? Романтика-а-а!

— На хер такую романтику! Ни пожать, ни поспать, ни выйти. А звук запуска чертового со мной на всю жизнь остался. Сколько лет прошло, а сих пор в холодный пот бросает, если где-то послышится.

— Ну теперь не придется. Уважаемый человек. Еще немного и станешь губернатором. Считаю официальный хозяин города.

Позади меня слышится хлопок двери, и я с бешено колотящимся сердцем сбегая по последним ступенькам и выхожу в освещенную гостиную. Улыбающийся Амир, замечая меня, мрачнеет. Проходится от макушки до кончиков пальцев жадным, липким взглядом и хмурится сильнее.

— Здравствуйте, — растерянно шепчу и обнимаю себя руками, не зная куда деться. Может, не стоило мне выходить?

— Ну, мне пора, — Слава быстро сгребает со стола пачку каких-то бумаг, папки, и уходит. Не забывая мне подмигнуть, проходя мимо.

Керимов развалился в кресле, небрежно и лениво. Чертовски соблазнительно, курит вкусно пахнущую сигарету, зажав ее между длинными пальцами. Во второй руке у него круглый, невысокий бокал с янтарной жидкостью. Как же хочется пить...

Робко подхожу ближе. Амир как замороженный следит за моими голыми ступнями. Его смущает, что я босиком? Неужели переживает, что замерзну и заболею? Ха!

- Ты все-таки мечтаешь о групповухе, а, малышка?

Глава 10

Он смотрит на меня. В упор. Молча обводит мою фигуру взглядом, задерживаясь в самых открытых местах, будто решая, как будет наказывать. И вариантов у него множество. Прищурившись, он затягивается сигаретой и выдыхает облачко дыма в мою сторону.

У меня пальцы холодеют от страха, нервно прячу руки за спину. Переминаюсь с ноги на ногу, и в разрезе на платье показывается бедро, а его глаза темнеют. В них плещется ярость, приправленная похотью. Этот коктейль выплескивается на меня горячей лавой. Ее не смыть, не убрать. Она просто выжигает все, чего касается.

Слова Керимова продолжают эхом прокатываться в голове. Я? Хочу? Он точно в своем уме?

— Нет, что ты

— Зачем тогда такой наряд? Славик чуть в дверь не вмазался, пока на твой зад, пялился.

— Ты же сам — теряюсь с ответом. Конечно, не сам, но по его указке! — Мне на кресле оставили эту одежду. Я думала, это ты.

— Мне некогда заботиться о такой ерунде. Но раз уж ты нарядилась, что зря пропадать тряпкам. Пускай послужат. Пойдем малышка, — тушит сигарету в пепельнице, рывком поднимается с кресла и подходит ко мне вплотную.

Обманчиво нежно ведет ладонью по щеке, шее, ключице, плечу. Жестко схватив за локоть, направляет к выходу из дома. Мягкий ковер гостиной сменяется выстуженным кондиционером ледяным кафелем.

После прохлады дома на улице, оказывается, слишком жарко и душно. Август все никак не желает отпускать из своего плена город и бросает в дело все свои мощности, чтобы если не задержаться, то уж точно запомниться.

Уже давно темно на улице, но шершавые ступеньки, парадного входа в дом, отдают тепло, собранное за день. Влажная после полива трава очень мягкая и щекочет мои босые ступни. Иду аккуратно, боясь на что-то наступить. Но быстро, ведь Керимов не задумываясь, просто тащит меня к соседнему дому на участке. Он намного меньше хозяйского, но все равно огромный.

Все внутренности сковало страхом, и чем ближе мы к дому, тем сильнее ужас выкручивает жилы. Зачем он меня сюда тащит? Неужели он и вправду сможет меня кому-то отдать? Зачем вообще соглашался мне помочь, если сейчас вот так издевается?

— Зачем мы здесь? — решаюсь пискнуть, когда Керимов толкает двери в дом и затаскивает меня внутрь.

— За наградой. Получишь то, чего так сильно просила, малышка, — он сильнее скалится.

Керимов открывает одну из дверей и толкает меня в комнату. Я чуть не падаю, зацепившись за порог, но мне удается устоять на ногах. Оглядываюсь и замечаю, что здесь тихо бубнит телевизор и трое парней играют в карты за большим деревянным столом. Обнимаю себя

руками, чтобы хоть немного прикрыться. Вряд ли сильно поможет, но это лучше, чем ничего. Жадно поглядываю на стопку клетчатых пледов. Мне бы не помешал сейчас такой.

Заметив нас парни, как подсолнушки за солнцем, заинтересованно подняли головы. Один даже расслабленно и шокировано уронил руки на стол, показывая свои карты всем. Краем сознания замечаю, что ему явно пора сдаваться. В голову лезет одна ерунда, но следующие слова, произнесенные Керимовым, останавливают хаотичный бег моих мыслей.

— Парни, знакомьтесь, это Ева. Она сегодня будет вас развлекать.

Парням, в отличие от меня два раза повторять не надо и они забросив свои карты и медленно подходят ко мне. Резко разворачиваюсь к Керимову, только открываю рот переспросить, а не охренел ли он с приказами, но его взгляд жестко останавливает, а следующая фраза добавляет сумасшествия.

— Евочка, ты чего зажалась? Смотри, парни молодые, красивые, — он крутанул меня в своих руках, подталкивая в лапы к уже подошедшим парням.

Снова я загнана в угол без права выбора. Испытываю столько разных чувств одновременно, что их невозможно затолкать в одну коробочку. Они переполняют меня, тянут в разные стороны. Стыд нельзя подпускать и близко. Иначе можно сломаться. А я не могу доставить ему такого удовольствия.

Страх - самый главный. Немного паники, отвращения, обиды и несколько ложек жгучей боли. На каждый вдох в сердце ввинчивается острая спица. Не дышать нельзя и дышать мучительно больно.

Самая последняя в рецепте - гордость. Всего несколько капель, но они сильно меняют картину. Разворачиваюсь лицом к Керимову и заглядываю ему в глаза. Ну же! Смотри на меня! Смотри, что наделал! Смотри мне в глаза и почувствуй, насколько омерзительный отдал приказ. Если вообще умеешь чувствовать

Но на мой вызов он отвечает равнодушием. Керимов абсолютно безучастно прикуривает сигарету и, выдыхая дым, склоняет голову набок.

Я не сопротивляюсь рукам, что меня раздевают. Почти не чувствую их прикосновения. Отмечаю лишь, как по плечам вниз ползут бретельки платья, как распускаются завязочки на спине, как прохладная ткань алой лужицей стекает к ногам. Внутри меня трясет, но я делаю все, чтобы не показать это наглым ублюдкам.

— Ну что, Евочка. Так лучше? Можно вообще с тряпками не заморачиваться. Мальчишкам и так нравится.

— Очень нравится! Щас в три ствола натянем по красоте. — подтверждает тот, что стоит справа, и ритмично тычется в мое бедро своей ширинкой.

— Отменная шлюха, шеф! — гундосит парень слева и жестко надавив на плечо, ставит меня на колени. — Натянем обязательно только, сперва пусть пососет хорошенько.

- О, это она любит, - Керимов улыбается одним уголком губ и не отводит от меня взгляда, в котором начинают виднеться бездны ада.

Слева вжикает молния и о мое плечо начинает тереться вялый член. Хочу пошутить про раннюю импотенцию в рядах охраны Керимова или, что не так уж и нравлюсь. Парень слева устал ждать и резко дергает меня за волосы. Когда он пытается направить меня к паху, выкручиваюсь, но тут же получаю оплеуху.

Удар отдается в голове противным звоном. Отпускаю грудь, чтобы падая не ударится головой о кафель. Лицо печет. Глаза застилают слезы. Больно очень, но больше жаль. Жаль, что не видела лицо Керимова в этот момент.

— Строптивая кобылка. Ничего-ничего, сейчас объездим, — он жестко держит меня за подбородок, пытаюсь пристроить свое хозяйство, но я чудом выкручиваюсь. - Сереня, придержи ее за руки!

Но Сереня, в отличие от болтливового парня, видит лицо босса и пряча вялый член в штаны, отступает назад. Я тоже не замечаю никаких изменений, поэтому для меня большой сюрприз - появление Керимова так близко.

— Что ж ты так неаккуратно с девочкой? — гремит его голос над нами, и парень отступает. Амир наклоняется ко мне и рукой, в которой зажата все еще тлеющая сигарета, проводит большим пальцем по алеющему следу на моей щеке. — Такое личико испортил.

— Так заслужила же шлюха, босс! — взвизгивает, противно похрюкивая.

— Заслужила, говоришь — тихо повторяет и зло сощурившись, глубоко затягивается сигаретой.

Дальше все происходит слишком быстро. Амир встает, стремительно приближается к парню и тушит о его щеку окурок. По комнате разносится вой, мат и вонь горелого тела. Я отползаю подальше, чтоб не мешаться под ногами. Подтягиваю колени, обнимаю себя руками.

— Хорошо запомнил ощущения? Или повторим со второй стороны, для профилактики? — Амир удерживает парня за горло, пока тот трепыхается и сквозь вой пытается что-то сказать. Он его бьет еще и еще, пока тот не валится на пол. Второй предусмотрительно не лезет.

В комнату влетает Слава. Моментально оценивает обстановку и оттаскивает Керимова от парня. Он ничуть не удивлен увиденным, просто холодно выполняет приказы.

— Убрать эту грязь из моего дома.

— Амир, может, не стоит?

— Я. Сказал. Убрать. - отрезает он жестко. Что, черт возьми, вообще происходит?!

- Обоих?

Керимов только зло зыркает на Славу, тот грязно матерится и уводит обоих придурков. Амир, взяв один из пледов на кресле, подходит ко мне. Сердце, и так гулко стучавшее в ребра, начинает биться еще сильнее. Пытаюсь отползти еще дальше, но только вжимаюсь плотнее в стену.

Он проводит пальцем по ушибленной скуле, оставляя огненный след своих прикосновений. Он сгребает меня в объятия, прижав к стальной груди, поднимает с пола, усаживает на стол поверх игральные карты и укутывает в плед.

— Что значит убрать? — спрашиваю, будто больше нет важных вещей на свете, и у нас закончились абсолютно все темы для разговоров.

Он снова ничего не отвечает. Кто я такая? Он набрасывается на мой рот с поцелуями. Его губы подчиняют меня себе. Его руки, перепачканные чужой кровью, стягивают плед — зачем только укутывал — и лапают так откровенно, что мне и не снилось.

Поцелуи превращаются в болезненные укусы и спускаются вниз по шее к груди. Он влажно облизывает соски и тут же прикусывает. Это больно, абсолютно неправильно, но против всякой логики - невыносимо сладко.

Так сладко, что разум туманится, я путаюсь в ощущениях, эмоциях, но когда страх немного утекает, с улицы доносится два громких выстрела.

Я дергаюсь в руках Керимова, пытаюсь отползти, но его стальная хватка не дает и шевельнуться.

— Теперь, надеюсь, поняла, куда попала? Поняла, как себя нужно вести?

Глава 11. Амир

Девчонка в моих руках дрожит, брыкается, пытается вырваться, услышав выстрелы. Славик тоже молодец, не мог этих ушлепков на природу вывезти. Нет, нужно мою территорию пачкать. Идиот. Еще и мелочь эту губастую напугал. Хотя тут я и сам постарался. Нужно было догадаться, что молодняк нынче не самый сообразительный. Понабрал Славик по объявлению идиотов, теперь самому их и закапывать. Нормальная охрана знает, что можно только пугать. Хозяйское руками трогать — верная смерть.

— Теперь, надеюсь, поняла, куда попала? Поняла, как себя нужно вести? — легонько встряхиваю, чтоб пришла в себя.

Ева головкой своей в ответ кивает быстро-быстро, будто говорить разучилась. Хотя другая бы уже в обморок грохнулась, а эта ничего. Хвост поджала, трясется как заяц, но смотрит гордо. С вызовом. Наглая и упорная, когда дело касается работы. Но робкая мышь, когда нужно что-то для себя. Какого хрена вообще на мою голову свалилась?!

Ломать ее не хочется. Но напрашивается сама постоянно. Провоцирует. Не к тому, ой не к тому пришла денег просить. Пусть теперь выгребает.

Красивая зараза. Глаза огромные, сейчас испуганные, зеленые с медными прожилками. Губищи пухлые, но не силиконовые лепехи. Настоящие. Искусанные мною до крови. Она ранку все время облизывает своим острым язычком. Дразнит, зараза!

Набрасываюсь и сам пытаюсь зализать рану. Какое-то особенное удовольствие слизывать капли ее крови и прикусывать кожу, пытаюсь добыть еще. Она перестает меня колотить и отталкивать, затихает. Дрожит, но сама отвечает на поцелуй.

Девственницы вообще не моя трава. Вся эта возня, слезы, капризные: не хочу, не буду, ай, больно, только раздражают, а не возбуждают. А еще девочки влюбляются. Самый противный побочный эффект. После первого раза от хуя не оттащить. Скачут как миленькие. Но вот этим первый - навсегда густо пропитаны их мозги - не вытравить. А нахера мне эта проблема? И без нее есть чем заняться.

Смотрю на Еву. А она такая? Что там в ее миленьких мозгах за тараканы припрятаны? Может, наплевать на все и трахнуть ее хорошенько, раз сама напросилась? Мелкая же. Порву и не замечу. А эта еще и терпеть будет молча. Гордо. Не вякнет и не заплачет. В полумраке так вообще за малолетку сойдет. Хотя она и есть. Двадцать четыре всего дурочке. Девочка Евочка. Первая на земле. Вот и как ее не хотеть?

Темная точка родинки на бледной коже, между аккуратных грудок намертво приклеивает взгляд. Хочется потрогать, наконец, но замечаю, что перепачкал ее всю с кровью со своих рук. Кровью ушлепка, что позволил себе слишком много. Так не пойдет.

Упаковываю Еву в плед, закидываю на плечо и тащу в свою нору. Через весь дом для персонала, по улице, где даже посреди ночи летняя духота не спадает и на несколько часов. По лестнице, на третий этаж и опускаю на пол только в ванной. Сбрасываю плед, срываю клочок сетки, что почему-то трусами зовется. Она охает, наблюдая за ошметками, что летят на

пол. Дергается прикрыться, снова трясется. Боится зайчишка. Но я с силой отвожу ее руки. Хочу полюбоваться. Скольжу взглядом по высокой груди, розовым соскам, плоскому животу, округлым бедрам и гладкой коже между ними.

Раздеваюсь сам и, кажется, пугаю ее стояком. Шлепком по заднице отправляю девчонку в душевую кабину и захожу следом. Настраиваю воду и первым делом вымываю руки с мылом. Она кривится и чуть не шипит от боли, когда видит, как я намыливаю пальцы с содранной кожей на костяшках. Ерунда. Там давно уже кожа загорбела и ничего не чувствует.

Ева отползла в дальний угол бескрайней душевой. Чуть не прилипла к стеклу. Подталкиваю ее под струю воды и принимаюсь смывать пятна крови. Намыливаю ее тело руками, без всяких мочалок. Скольжу, задевая чувствительные места. Кожа под пальцами гладкая, нежная, бархатная. Хочется трогать, изучать ее тельце. Не останавливаясь. Прокляла меня, не иначе.

Она дрожит чуть сильнее, если сжать и потянуть соски. Прогнется, если провести пальцами по ребрам до талии. Покроется мурашками, даже под теплой водой, если прикусить мочку уха. Сладко застонет и тут же зажметесь, испугавшись своей реакции, если коснуться складочек между ее ног. Отворачиваю Еву лицом к стене, чуть нагибаю, чтобы открылся прекрасный вид.

— Тиш-ш-ше. Раздвинь шире ножки, малышка. Нужно намылить хорошенько.

Она неожиданно послушно прогибается и оттопыривает аппетитную попку. С-с-сука! Член дергается, и я не могу не подразнить. Поглаживаю головкой складочки у узкого входа. Он пытается отстраниться, охает, но я крепко держу ее на месте и продолжаю пытки. Сам над собой издеваюсь.

— Не дергайся. Порву раньше времени, — замирает, прислушиваясь к ощущениям. Еще немного и сама будет насаживаться.

Кайфую от гладкой плоти. От влажных складочек. Хочется безжалостно ворваться в ее тесную глубину. Сделать окончательно своей. Направляю член к входу. Надавливаю чтобы закончить с играми.

Ева что-то пищит, но ее писк заглушает мерзкий вой мобильного. Очень некстати. На этот номер звонят только в самом крайнем случае и очень ограниченный круг людей. Не могу не взять трубку. С сожалением приходится прекратить игры со сладкой дырочкой Евы и идти искать мобильный в ворохе одежды.

Глава 12. Амир

Звонок, оказывается, и правда от серьезного человека, но по совершенно дурацкому поводу. Приглашение на свадьбу дочери старого партнера. Мы начинали с ним вместе. Так давно, что, кажется, столько не живут. Особенно хреново было с нашей профессией в те годы, когда мы только вышли в люди.

Разговариваю и наблюдаю, как Ева пытается, не снимая полотенца, завернуться в мой огромный халат. Пальчики дрожат, полотенце падает и вопреки тому, что она хочет спрятаться от моего взгляда, показывает еще больше. Мелкая сука.

Хуй стоит колом. Даже не собираюсь прикрываться, любуюсь, как краснеет малышка, натываясь взглядом на член. Ева на секунду замирает, забывая, что халат распахнут. Шикарное зрелище. Бледная кожа раскраснелась от горячей воды и на фоне белой ткани, выделяется особенно ярко. Ее грудь видно ровно настолько, чтобы разыгралась фантазия. Розовая ареола соска так и манит отодвинуть ткань и заглянуть, что же там еще припрятано. Член дергается, будто стрелка компаса, указывающая на девчонку. Ева замечает, краснея еще сильнее. Плотнo укутывается в кокон халата и держится за пояс как самурай за катану. Да уж. Хреновая защита. Но я говорить ей об этом не стану. Лучше покажу. Прощаюсь с другом, отбрасываю телефон и дергаю ее за поясочек к себе.

— Неужели думала спрятаться?

Заламываю руку за спину и загибаю над раковиной - она и пискнуть не успевает. Откидываю халат, открывая вид на шикарную задницу. Шлепаю членом по аппетитной попке, раздвигаю полушария и прохожусь по всей промежности, задерживаясь у анала. Играть с ней будет охуенно. Хвостик дрожит у зайки. Бойтся трусишка. Поднимаю, хорошенько прижимаю к себе спиной. Придерживаю за горло, чтоб не дергалась.

Ее маленький защитник — пояс, все еще завязан, но халат сбился набок, и розовый сосок уже зажат у меня между пальцев. Щеки Евы горят, но она не может оторвать полупьяного взгляда от нашего отражения в зеркале. Поплыла малышка. Продолжаю начатое в душе. Поглаживаю пальцами там, где она слаще всего. Раздвигаю складочки, пока они не становятся снова влажные.

— Маленькая развратница Ева любит пожестче? Смотри, как течешь. Может, ты и не девственница? Давай проверим?

Она краснеет еще сильнее, хотя, казалось, дальше уже некуда. Прерывисто дышит и жадно облизывает свои губки. Дергается в моих руках от страха, когда я вставляю в нее один палец и пытаюсь сбежать, насаживается еще глубже. Узкая, сука!

Малышку спасает стук в дверь в комнату. Это явно Славика принесло с отчетом, но как, блять, не вовремя! Выпускаю Еву из своих лап, поправляю халат и выталкиваю из ванной в спальню. Выдаю задание, чтоб не скучала завтра.

— Через три дня мы приглашены на свадебный прием. Завтра возьмешь Анну и съездите тебе за шмотками. Но, надеюсь, ты поняла, какие платья брать нельзя? — отрезаю холодно

и придерживаю ее за подбородок, чтобы пришла в себя, точно меня услышала и хоть что-то усвоила.

— С Анной? — хмурит бровки. Что не так?

— Какие-то вопросы?

— Это разве не она мне оставила сегодняшний наряд? Не могло же платье из гардероба само перепрыгнуть на кресло? Да и Там вся одежда такая!

— Я разберусь, — волшебница Аня решила упаковать стандартную куклу и мои приказы побоку? Интересно... — А сейчас вали к себе в комнату, пока цела. До кровати без приключений доберешься?

Она кивает и гордо, с идеально ровной спиной, проходит мимо меня к двери. Открывая, врзается в Славика и испугавшись, судя по звуку, срывается на бег. Правильно. Прячься, мышка, пока Серый Волк в состоянии отпустить.

Натягиваю домашние штаны и достаю бутылку минералки — охладиться. Член так и стоит колом, а я без бабы! Мне что прочить как в пятнадцать?

— Амир, ты нахрена ее запугиваешь? К молодняку бросил. Перепугал до смерти. Тебе таких нельзя. Она настоящая нежная домашняя девочка. Не ломай,— входит в комнату Славик и, по-хозяйски наливая себе тройной виски, усаживается в кресло.

— Тебе какое дело?

— Зачем ломать такую красоту?

— Я не понял, ты что так беспокоишься о ней?

— Я о тебе беспокоюсь. Ты не о девчонке должен думать, а о предвыборной кампании!

— Славик, я вываливаю тонну бабла каждый день в это дерьмище. Я еще что-то должен делать?!

— Рожей поторговать неплохо бы. Съездить к детишкам в больничку, на площади гречку раздать, котенка с дерева спасти. Только лучше без топора

— Что, бля?! Какого нахрен топора?!

— Да так, видео дурацкое вспомнил, — смеивается Слава, а я как-то стремительно забываю, за что ему плачу столько лет.

— Видео... Иногда у меня возникают сомнения в твоей вменяемости. Тебе там в лысую башку не сильно напекло днем? — он только ржет в ответ. — Хрен с тобой. Гречка так гречка. Но никаких котят и детей!

— Понял. Завтра организуем. Свободен?

— Свободен. И Анну мне позови, — прикуриваю сигарету, а Слава демонстративно достает свои котлы.

— В три ночи?

— Тебе и эту девочку жалко? Сможешь утешить, как только мы закончим.

Он ядовито улыбается, мол, неплохая идея и, тяжело поднявшись с кресла, идет к выходу.

— Слава, во дворе все чисто?

— Чисто, Амир. Отдел кадров уже ищет замену.

— Вот и прекрасно. Одной проблемой меньше.

В ожидании Анны прикуриваю сигарету, но аромат табака не перебивает пряный запах возбуждения сладкой Евы, оставшийся на моих пальцах. Может быть, наведаться в ее комнату после того, как раздам указания прислуге?..

Глава 13

Не спать по ночам в этом доме для меня стало уже традицией. Такого дурацкого режима у меня не было с тех пор, как я сдуру сунулась подработать на скорой. Продержалась там всего три месяца и сбежала, не оглядываясь. Я уставала так, что даже во сне расслабляться не получалось. Мне все время казалось, что я опоздаю, подведу всех и поэтому нервно просыпалась каждые полчаса. Теперь все то же самое, но без пьяных пациентов, скандальных мамочек. Но с одним опасным мужчиной. Слишком опасным.

После того как я попала в этот дом, понятия не имею, как себя вести в присутствии Керимова. Я прекрасно понимала, во что мне выльется моя просьба и чем придется расплачиваться, но я совсем не ожидала того, что случится вчера. Каждый раз, рядом с этой мужчиной, реальность выворачивается странным образом, делая невероятно больно.

И даже если бы я хотела выспаться, мне это сделать не давали тревожные мысли снова слишком активная, впрочем, в этот раз особенно недовольная Анна. Разбудил меня ее острый взгляд и аромат терпкого кофе. Кажется, он подгорел и кто-то меня ненавидит

— У тебя на сборы полчаса. Жду внизу, — поморщившись, как от головной боли, недовольно сообщила она и, вильнув хвостом, ушла, громогласно хлопнув дверью. Настоящая леди.

Вот только ее призрачения мне еще не хватало до полного комплекта. Я прекрасно справляюсь с самоуничтожением и без помощи посторонних.

По пути в ванную заливаю в себя горячий кофе, обжигая небо и не чувствуя вкуса. Останавливаюсь возле зеркала и внимательно рассматриваю себя. Каждую деталь. Длинные светлые чуть выющиеся волосы, густые ровные брови, огромные глаза и слишком большие губы. Все коллеги и приятельницы завидовали, что я получила такие губы без усилий со стороны косметологии, а я никогда не понимала их восторгов. Чуть припечет солнце, подует ветер или ударит мороз - тонкая кожа не выдерживает и больно трескается так, что потом заживает неделями и лопается от каждого движения. В сумке нужно носить бальзамы, и не факт, что они помогут. Коса эта опять же

Бабушка всегда говорила, что буду получать за свою красоту. Что таких, как я - ненавидят, завидуют. За таких убивают. Никогда не считала себя особенно красивой и тем более не ожидала, что из-за меня может произойти что-то нехорошее. Но звуки выстрелов, кажется, навсегда поселились тревогой у меня в голове.

А еще Керимов Его грубость вчера была смешана с похотью и невероятной нежностью. Как у него это получается? Несмотря на мое состояние и испуг, тело было послушно его рукам и кожу покалывало возбуждение. Его пальцы творили что-то невероятное, и ярким огнем разгорался пожар внизу живота. Он от этой игры и сам завелся не на шутку, но Отправил меня к себе. Почему? Вряд ли бы визит Славы сильно нарушил бы его планы. Я еще долго тряслась у себя в кровати, ожидая, что он придет после разговора со Славой, но этого так и не случилось. Неужели передумал?

Долго боялась выходить из комнаты. Вдруг Керимов все еще здесь и захочет поговорить о том, что было вчера? Или не поговорить Но долго сидеть взаперти мне не дали. Анна вцепилась

в меня бульдожьей хваткой и выгуливала по магазинам с особой жестокостью. Я терпеть не могу мерить вещи и в целом шопинг. Но она заставила меня хоть по разу, но надеть абсолютно все элитные тряпки, что были в торговом центре. Ни один лоскуток мимо меня не прошел. Зато я увидела ценник одного наряда. Этой суммы вполне хватило бы оплатить половину моего долга. Зачем же он тратит на меня такое количество денег?

Я чувствовала себя породистой сукой, которую готовят не просто к выставке, а к случке с самым титулованным кобелем. Кобель как раз примерно в это же время занимался завоеванием очередного бесполезного звания.

Мой цербер в юбке разрешил передышку, и мы устроились в небольшом кафе затерявшемся среди модных бутиков пообедать. Пока Анна яростно уничтожала гору листьев из своей тарелки, я решила полистать новостную ленту. Оттуда на меня напрыгнул Керимов. Да так неожиданно, что я подавилась молочным коктейлем, щедро разбрызгав сладкую массу по столу. Не мог даже тут не испортить аппетит!

На экране появились яркие заголовки и не менее говорящие фото.

"Не откладывай доброе дело. Кандидат в губернаторы Амир Керимов поручил обеспечить продовольствием самые незащищенные слои населения".

"Крепкая семья — забота государства. Амир Керимов, кандидат в губернаторы, посетил несколько домов малютки".

Да уж. Его пиарщики явно недорабатывают. Вот этот хмурый мужик, практически Тонни Монтана, только без горы наркоты, главный по семейным ценностям в нашем крае? Боже, да от него бежать хочется и избегать вообще всех мужчин вечно! Но никак не бросится к нему на шею и захочет ораву деточек!

Следующая статья моментально приводит меня в чувства и совсем непрозрачно намекает, что так думаю и боюсь его только я.

Кандидат в губернаторы Керимов торжественно открыл забег, целью которого является привлечение внимания к проблеме борьбы с раком молочной железы

И ниже прикреплено красочное фото, как дамы в розовых футболках с самыми счастливыми мордочками в мире зажали между своих великолепных и точно здоровых грудей такого же счастливого Амира.

Ну и зачем ему нужна я со своей крошечной грудью, когда рядом такие экземпляры?

Глава 14

— Что там? — дожевав свои листья, Анна и обратила внимание на то, что я, как зачарованная, уставилась в телефон. Не получается оторваться, так интересно!

— Начальник твой развлекается на все деньги, — показываю ей новостную ленту. Сегодня об одном только Керимове.

— Тебя это не касается. У тебя другая роль. В это вообще не лезь. Надеюсь, мне не нужно тебе рассказывать, что не стоит болтать о том, что ты видишь в доме или где он находится? — подвигает к себе тарелку с десертом. И стоило мучить себя листьями, чтобы потом радостно уминать торт?

— Я не собиралась... — откладываю телефон и продолжаю медитировать над кружкой кофе.

— Вот и молодец. Сообразительная ты девка, Ева. Помалкивай, и все будет отлично, — подмигивает мне и тормозит пробегающего мимо официанта. — Прагу мне еще принеси и бокал Просекко. — мальчик спешно кивает и убегает, а я продолжаю удивляться ее аппетитам.

— Знаешь, я уже боюсь твоих советов и рекомендаций.

— Почему? — невинно заглядывает мне в глаза, идеально отыгрывая дурочку.

— Это же ты мне вещи все эти подсунула.

— Послушай, ты, конечно, милашка, заботушка и все такое, но мне нет до тебя никакого дела. Я нарядила тебя так же, как и всех твоих многочисленных предшественниц. Особых указаний не было. Что переклинило в мозгах у Керимова — понятия не имею. Я просто выдала тебе, считай униформу!

— Униформу шлюхи

— Заметь! Дорогой и стильной шлюхи. Давай мыслить позитивно. Ищи плюсы.

Анна смеется, а я, задумавшись и правда пытаюсь наскрести хоть крошки чего-то хорошего и не нахожу. Хотя один факт меня все же порадовал. По приезду домой Анна сообщила, что хозяин сегодня не придет и собачка может идти отдыхать. Что ж, небольшая передышка мне не помешает.

Керимов не появился ни в этот вечер, ни через день. В доме было пусто. Даже Анна куда-то делась. Осталась только парочка охранников, к которым, впрочем, я боялась приближаться, и молчаливая горничная. Было чувство, что меня здесь бросили медленно сходить с ума от скуки, но я, кажется, впервые, с тех пор как ворвалась во взрослую жизнь, смогла выдохнуть. У меня никогда не было настоящего отпуска или полноценных выходных. Даже когда меня уволили, я постоянно пыталась найти подработку. И сейчас мое тело было шокировано, что бежать никуда не нужно. Можно просто остановиться и пока есть возможность и правда наслаждаться.

Каждый вечер я сбегала в библиотеку прятаться в очередном вымышленном мире. Магические академии, черные крепости на дальних рубежах, альтернативная реальность, где мир, потерявший сердце, возвращает себе магию. Наивно и по-детски хотелось верить, что чудо действительно может случиться и наш мир вправду просто спит. Нужно только разбудить золотое сердце магии.

Я, наконец, выспалась, но по утрам внутренние часы все еще неизменно будили. Просыпалась в пять, как обычно, перед сменой и никак не могла уснуть. Ворочаясь с боку на бок, вспоминала про бассейн. Теплая вода расслабляла и выматывала одновременно. После полчаса плавания я могла уснуть

Керимов отсутствовал уже три дня, и я даже решилась подойти к охране, чтобы уточнить дату его возвращения, но получила только хмурое не могу знать.

В пятницу наступила осень. Она уселась на свой трон в полночь и, пока лениво, тонкими иссохшимися пальцами, но уже отдавала первые приказы. Она давно обживалась в городе, но только сегодня утром я заметила, что рассвет стал приходиться немного позже, ночная духота, наконец, ушла, уступив свежему ветру.

Нырять в бассейн стало еще приятнее. После бодрящей прохлады вода согревала, обволакивала теплом и нежно струилась по телу. Выбираться не хотелось. Я только вошла во вкус, но заметила, как к противоположному бортику подошел Керимов.

Сперва показалось, что он то ли галлюцинация, то ли сон Пар поднимался от теплой воды в бассейне и делал все вокруг зловещим. Нереальности прибавлял тот факт, что вместо привычного костюма Амир был одет только в одни, низко сидящие спортивные штаны. Даже обуви на нем не было. Это я заметила, когда, ущипнув себя десяток раз, проверив, что это точно-точно не сон, все же решилась подплыть ближе.

Он долго молчит. Просто разглядывает меня. Кажется, ему нравится любоваться мной, я давно заметила. Он жадно смотрит на губы, на то, как капельки воды стекают в ложбинку груди и, обласкав мое тело, возвращаются обратно в бассейн.

— Развлекаешься? — присел на корточки, и от него повеяло жаром. Он явно только закончил тренировку. Он весь мокрый разгоряченный и с жадным блеском в глазах. Опасный.

— Я просто — шепчу сама не зная, как продолжить фразу. Не могу уснуть? Выматываю себя, чтобы, наконец, уснуть? А может, и правда развлекаюсь? Скучаю?.. Вот уж нет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.